

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРОВ

История Парижа никогда не будет написана, если речь идет об исчерпывающем исследовании, после которого возвращаться к теме не имело бы смысла. Этот город всегда будет раскрываться новыми гранями для всех тех, кто или живут в нем, или посещали его, или читали о нем, или разглядывали его на картинах импрессионистов, или видели его на экранах, или воссоздавали его образ по напевам шансонье или мелодиям оперетты. Париж будет очаровывать и разочаровывать, привлекать и отталкивать, радовать и утомлять. Так было с незапамятных времен, когда он еще только обретал свое место в сердцах людей, причем не только во Франции, но и в других краях, порой, весьма удаленных.

Историк может сколь угодно долго повторять, что «Париж — это еще не вся Франция», но заниматься историей Франции и не интересоваться Парижем невозможно.

Оба автора этой книги не считают себя узкими специалистами по истории Парижа. Но каждый из нас, изучая историю Франции XIV–XVI веков, неоднократно обращался к парижской истории. У нас сформировался «свой Париж», знакомый нам на основании источников, с которыми мы работали — постановлений Парижского Парламента, эпитафий знатных парижан, описаний торжественных въездов королей в город, дневников современников, нотариальных актов, документов Парижского университета и т. д.

Париж, открывающийся взору современного человека, это в основном город XIX — начала XX веков, но сохранились особняки XVIII и даже XVII веков. От тех времен, которые изучаем мы, в Париже осталось не так много. Но мы могли бы с удовольствием показать следы «нашего Парижа», например, заглянуть в какое-нибудь вполне современное кафе на улице Ломбардцев и, спустившись в подвал, продемонстрировать своды XIII–XIV веков, доказав, что

внешне относительно новые дома имеют средневековые корни, как и вся парижская история.

Мы многое могли бы рассказать об этом городе: мысленно провели бы читателей по залам и закоулкам Дворца Правосудия в Сите, по лабиринтам улочек университетского Латинского квартала, по шумной Гревской площади. Могли бы рассказать про то, как холодной зимой 1408 года у секретаря Парижского Парламента замерзли чернила в чернильнице и потому судебные слушания отменили, или как утром 24 августа 1572 года, в день святого Варфоломея на кладбище Невинноубиенных зацвел сухой боярышник, что было воспринято парижанами как знак небесного одобрения расправы, учиненной над гугенотами. Мы могли бы рассказать и о том, как Париж ссорился с королями и как он с ними мирился, могли бы поведать многое об одежде парижан, об их развлечениях, об излюбленных тавернах, о самых красноречивых проповедниках, о нравах преступного мира и о шедеврах зодчества и еще о многих и многих вещах и секретах, знакомых нам по тем текстам, с которыми мы работали. Будем надеяться, что нам еще представится такая возможность.

Для тех периодов истории, которыми мы занимаемся, роль Парижа как столицы Франции, ее сердца, была очевидна и никем не оспаривалась. Но так было не всегда. Как минимум двенадцать веков своей ранней истории Париж существовал, не имея устойчивого положения столицы Галлии или Франции. Можно ли было уже тогда предвидеть его столичное будущее? Множество историков — краеведов, патриотов своего города, бравшихся писать историю Парижа, отвечали на этот вопрос однозначно положительно. Да и читатели ждут рассказа об успехе, predetermined самой историей. Ведь открывая детектив, мы можем с замиранием сердца следить за изгибами сюжетной линии, будучи при этом уверены, что в конце имя преступника станет нам известно.

Об этом писал Борис Пастернак:

Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.

Бдительные литературоведы впоследствии указали на ошибку поэта: пророком историка назвал не Гегель, а другой классик немецкой философии — Ф. Шлегель, но это не лишает данное наблюдение

справедливости. Мы, действительно, «предсказываем назад», и совсем отказаться от этой привычки нам практически невозможно. Но историк не должен, подобно нерадивому школьнику, подгонять задачку под известный ответ. Иначе нам не понять, как, почему и когда Париж все-таки стал «нашим Парижем» — тем городом, который знаем мы, или же тем, который предстает взору современного туриста.

Вот почему мы взялись писать о периоде, в истории которого мы не являемся специалистами, но без него судьбу великого города понять невозможно. Эта работа для нас была непривычная и трудная, ведь источников сохранилось мало — сплошные легенды и предания, отрывочные сведения хронистов и редкие находки археологов. Вопреки тому, чем мы занимаемся в нашей обычной профессиональной деятельности, нам приходилось сплошь и рядом опираться на эту зыбкую почву; мы понимали, что у наших заключений устанавливаются порой весьма своеобразные отношения с научной истиной. Единственным утешением для нас было то, что жители «нашего» позднесредневекового Парижа свято верили в эти легенды и, не замечая в них противоречий, почитали их истиной.

В итоге работа оказалась для нас хоть и трудной, но интересной и поучительной. Надеемся, что и нашим читателям она будет небесполезна.

П. Ю. Уваров, С. К. Цатурова

ПРИРОДНЫЕ ДЕКОРАЦИИ ПАРИЖА

Историю любого города определяют природные условия — рельеф, климат, ландшафт. Изучать историю рождения города целесообразно с доисторических истоков и до появления первых поселенцев. Парижская земля менялась и до прихода сюда людей, а потом — под их воздействием. Нам потребуются воображение и данные геологии, археологии, географии, чтобы проследить эти изменения.

БЕССЛОВЕСНАЯ ИСТОРИЯ

200 миллионов лет назад на месте Парижа плескались соленые воды моря, затем — древнего озера; здесь водились крокодилы и черепахи. Позже на этой земле, при тропическом климате, водились леопарды и различные грызуны, на пальмах гнездились древние птицы.

Отступив, вода обнажила толщу донных отложений, спрессованных в плотный известняк и песчаник. Затем десятки миллионов лет текущая вода и ветер дробили эти скальные породы, создав сложный холмистый рельеф.

Два миллиона лет назад, как и сейчас, здесь уже была широкая равнина, покрытая наносами могучих рек, которые позже назовут Сеной, Марной и Бьеврой. Они прорезали террасы в донных отложениях — песке, глине и гальке. А при слиянии Бьевры с Сеной за 10 тысяч лет скопился слой речных осадков толщиной в 8 метров (сейчас там набережная Сен-Бернар с парком). Похолодание этого времени вызвало наступление с севера льдов, которые лишь немного не достигли долины Сены, а когда льды отступили (в последний межледниковый период), здесь впервые появился человек. Об этом свидетельствуют находки грубо обработанных кремневых орудий

эпохи палеолита — его нижнего, шельского периода (названного так по местечку Шель в пригороде Парижа).

При новом похолодании люди покинули эти земли, ставшие тундрой, где водились лемминги, крупные олени и мамонты; целый скелет мамонта был найден при раскопках сквера Монтолон, а фрагменты бивней — близ площади Опера. Когда тундру сменила степь, сюда пришли табуны бизонов и диких лошадей.

Между двумя рукавами Сены рождались острова и главный среди них — остров Сите, который обеспечивал переправу через реку с юго-запада на северо-восток. Остров имел продолговатую вытянутую форму, напоминающую остроносый корабль. Через много веков корабль станет символом Парижа: на гербе города он появится украшенным горделивым девизом «Качается, но не тонет» (лат. «*Fluctuat nec mergitur*»). А еще позднее непотопляемый корабль отразится в очертаниях домов Парижа, которые выходят на все площади города своим остроносим углом.

С судами связана и древнейшая неолитическая стоянка на территории Парижа. Возле прекрасного парка Берси (на юго-востоке города) есть улица Берсийских пирог: здесь во время раскопок 1990–1992 гг. было обнаружено береговое поселение времен неолита.

Недалеко от впадения Марны в древнее русло Сены найдено двенадцать челнов, напоминающих индейские пироги, выдолбленных из цельных дубовых стволов. Радиоуглеродный анализ позволил определить их возраст — 4482–4445 гг. до н. э. Среди находок попадают привозные вещи: топоры из зеленого камня, медные фибулы. Судя по сохранившимся снастям, древние берсийцы были превосходными рыбаками. Но они также охотились на дичь на лесистых склонах: при раскопках обнаружены каменные наконечники копий и стрел, фрагменты тисового лука. Плодородная земля речной поймы позволяла заниматься примитивным земледелием: в Берси был обнаружен наконечник мотыги, сделанный из крепкого оленьего рога.

В окрестностях Парижа найдено полсотни коллективных захоронений людей, возраст которых — IV–III тыс. до н. э. Эти земли не обошли стороной и народы, оставившие о себе память загадочными мегалитами¹, распространенными вдоль Атлантического побережья Европы. Ни одно из этих каменных сооружений

¹ Мегалиты — культовые сооружения из огромных каменных глыб. Известны в Западной Европе, Северной Африке, на Кавказе и в других регионах мира.

не сохранилось в Париже до наших дней, но средневековые горожане застали их, запечатлев в топонимике и в легендах.

Местоположение Парижа способствовало обмену товарами между северными (белгскими) и южными кельтскими племенами, в пределах так называемого «галльского шестиугольника». В случае опасности эту связь между двумя частями Галлии можно было перерезать, заблокировав переправу через Сену.

Если верить античному географу Страбону, даже тяжелые грузы можно было переправлять от Ла-Манша до Средиземного моря по рекам — Сене, Йонне, Сомме и Роне. Диодор Сицилийский упоминал в этом же контексте олово (необходимое для производства бронзы), его доставляли с Британских островов в Марсель и Нарбонн «через Кельтику», причем всего за каких-то тридцать дней! Так Париж стал важной частью «великого оловянного пути».

Переправа через реку в районе острова Сите заставляла торговцев перегружать свои товары с лодок на обозы и обратно; поэтому одни только таможенные сборы позволяли «островитянам» извлекать дополнительные средства существования.

В эпоху бронзового века (1800–750 гг. до н. э.) на землях современного Парижа не только торговали металлическими изделиями, но и производили их. В квартале Ла-Виллет найдена древнейшая наковальня (по иронии судьбы, близ современного Музея науки и индустрии). Рядом с ней был обнаружен бронзовый шлем какого-то воина: бронзовый век был эпохой постоянных войн. Драги, очищающие дно Сены в районе между Национальным мостом и мостом Берси, часто находят бронзовые мечи, кинжалы, наконечники копий и дротиков.

Железный век, наступивший вслед за бронзовым, принес несколько волн переселений кельтов (галлов), пришедших с Востока. Наконец, к III веку до н. э. на землях Парижа обосновалось галльское племя паризиев, о жизни и культуре которых мы знаем уже и из письменных источников.

По обоим берегам Сены рос дубовый лес, который щедро одаривал людей деревом для обогрева, для плотницких работ, для строительства. Здешняя земля была плодородной и легко поддавалась обработке. К тому же умеренный климат без сильных зимних морозов благоприятствовал земледелию и садоводству. Наконец, река давала рыбу, а ее берега — дичь: неслучайно позднее на галло-римской стеле будут изображены местные рыбаки, а на барельефе одного из саркофагов — охота на зайцев.

ЗЕМЛЯ

Сегодня поверхность парижской земли всего лишь на 32 метра возвышается над уровнем моря; разливы Сены могли затопить большую часть города, оставив лишь отдельные возвышенности — «холмики» (*monticuli*), упомянутые в латинских рукописях. Более древние отложения выглядят на расположенных полукругом холмах Правого берега: Шомон (129 м), Шайо (70 м), Пасси (55 м), Отёй (40 м) и, конечно, Монмартр (127 м высотой) — тот холм, где парижане возведут церковь Сен-Пьер-де-Монмартр.

На Левом берегу отроги древнего плато уступами плавно спускаются к реке, но и здесь выделяются холмы; сегодня на одной такой «горе», высотой в 60 м, расположен Пантеон, на другой — общежития университетского городка (Сите Университер, 80 м).

Рельеф парижской земли определил историческую судьбу города, ставшего «естественным мостом» между разными частями страны. С северного плато (равнины Ланди) можно было легко спуститься к реке между двумя холмами — Монмартр и Бельвиль — через долину Ла-Шапель. На юге плавные отроги холма Сент-Женевьев позволяли без труда подняться из долины к Кламарским высотам и на плато Бос, которое тянется до самой Луары. Так образовалась кратчайшая дорога через Париж, по диагонали пересекавшая страну — от современной Бельгии к Жиронде.

Благодаря такому выгодному местоположению население города быстро росло, постепенно меняя естественный рельеф и наращивая «культурный слой», по толщине вполне сопоставимый с геологическими формациями. Городские насыпи привели к исчезновению нижнего течения реки Бьевры, память о бурных ручьях Менильмонтан и Фекан осталась только в названиях улиц. Поверхность острова Сите искусственно подняли на восемь метров, что навсегда избавило этот центр Парижа от затоплений во время разливов Сены. Холмы Бют-о-Кай и Монпарнас были срезаны, как и холм на месте современной площади Шарля де Голля. Зато низкие участки почвы между улицами Линкольна и Пьера Шарона подняли насыпями на 8,5 метров; именно там появились знаменитые Елисейские поля.

Многочисленные парижские болота были засыпаны, и только в парке Берси они сегодня воссозданы специально, в декоративных целях.

Во времена Средневековья парижане сбрасывали хозяйственные отходы прямо за воротами города. Так образовались холмы Монсо и Бют-Месле (до 40 метров высотой); следы такого «мусорного бугра» Бон-Нувель сохранились и сегодня — близ метро Страсбур—Сен-Дени. На месте современного Ботанического сада в XVII веке располагалась свалка, достигавшая в высоту 58 метров; сейчас этот холм украшает причудливый лабиринт, аллеи которого, обрамленные живой изгородью, ведут к расположенной на вершине живописной беседке. По случаю Всемирной выставки 1867 года холмы Монсо и Бют-Месле были выровнены, а их материал использован для насыпи Марсового поля.

В отличие от большинства столиц Париж мог черпать почти весь необходимый строительный материал прямо из своих недр. Большая часть зданий старого города была построена из различных пород известняка и гипса, оставленных в наследство древними теплыми морями. Слои лютетского известняка, достигающие 20-метровой толщины, залегают в районах Пасси и Отёй, тянутся от Ботанического сада до ворот Вожирар. Месторождения другого, не менее ценного, сент-уэнского известняка располагались на правом берегу Сены — от парка Монсо до площади Шарля де Голля; их находили также в ложине Ла-Шапель и вдоль старого русла Сены. Гипсовые породы известняка сорта бри, разделенные слоями мергеля, составляют основу холмов Монмартр и Бют-Шомон. Такое изобилие ценных строительных материалов предопределило судьбу Парижа как центра великой архитектуры.

Галечник, блоки песчаника, тонкий глинистый песок, торф и глина также широко использовались горожанами для выделки кирпичей и черепицы; центр ее производства получил характерное, ставшее впоследствии знаменитым название — Тюильри (от французского слова «тюиль» — черепица). Оно сохранилось в веках, став именем дворца, построенного здесь в XVI веке и сожженного в 1871 году. Сегодня Тюильри — сад, излюбленный парижанами и туристами, раскинулся более чем на километр, связав площади Карусели и Конкорд (Согласия). Другое место изготовления черепицы располагалось на нынешней улице Шерш-Миди (буквально — «ищи юг» или «ищи полдень»), которая прежде называлась улицей Вьей Тюильри (Старой Черепичной).

Трудно сказать, когда парижане впервые спустились под землю за строительным камнем. Первые письменные свидетельства об этом относятся к 1292 году, однако гипс и известняк несомненно

использовались уже жителями галло-римского города первых веков нашей эры, который носил имя Лютеция.

Сначала старатели разрабатывали выходы гипса на поверхность, затем они начали добывать камень из-под земли на правом берегу Сены. Вытаскивая блоки гипсовой породы, строители распиливали их, обжигали в печах (расположенных вблизи карьеров) и дробили полученный камень. Особо ценился монмартрский гипс, «монмартит», который использовался для наружных штукатурных работ, так как он не боялся непогоды. Из этого гипса делали «ложный алебастр» (другое название — «монмартрский оникс»), применявшийся для изготовления раннесредневековых саркофагов и ваз.

В XIX веке на месте одного из старых гипсовых карьеров был разбит парк Бют-Шомон («Холм Лысой горы») с искусственным озером, в центре которого и сейчас возвышается монолитная скала, увенчанная стилизованным храмом Сивиллы. Посетители парка могут видеть, как эта скала из монмартрского гипса играет разными красками (розовой, белой, серой) и сверкает на солнце как сахар.

Парижские каменоломни были двух видов. При разработке гипса и мягкого известняка в породе прорубали высокие (до 15 метров) круглые колонны, служившие надежной опорой для сводов просторных гипсовых галерей; чтобы добыть грубый известняк, в штольнях (высотой до 3,5 метров) выкладывали каменные крепёжные стенки. Песок и гравий, необходимые для производства цемента и стекла, доставали с глубины 12 метров, гончарную глину — из специальных колодцев глубиной до 35 метров. Мел добывался в обширных карьерах, которые сохранились до наших дней в пригородах Парижа — Исси-ле-Мулино и Медон.

В результате этих работ с течением времени основание Парижа стало походить на сыр с дырками. Часто случались обвалы, когда отдельные дома и даже целые участки улиц уходили под землю. Чтобы предотвратить катастрофу, в 1777 году была создана парижская «Генеральная инспекция карьеров» для инженерного надзора за всеми разработками строительных материалов, а в 1813 году распоряжением императора Наполеона добыча известняка и гипса в парижских недрах была полностью запрещена. Официально все шахты и карьеры были закрыты в 1860 году, и до конца XIX века значительная их часть была надёжно засыпана землей. Однако и сегодня при городской застройке не возводят больших зданий над

бывшими каменоломнями; поэтому в центре Парижа можно встретить кварталы, застроенные малоэтажными домами, что создает особый колорит этого мегаполиса.

В старину парижские карьеры служили не только для добычи камня: с XVIII века в них свозили кости умерших парижан из старых городских кладбищ, закрытых ради застройки. Поэтому парижские подземелья получили название «оссуариев», или «катакомб», — по аналогии с подземными захоронениями первых римских христиан. Сегодня в подземных шахтах и галереях выращивают свои знаменитые «парижские грибы» — *champignons de Paris* (в России именуемые попросту шампиньонами). Бывшие карьеры используют в работе парижского метро, для прокладки телефонных кабелей, как основу подземных автостоянок. Центральные катакомбы (войти туда можно с площади Данфер-Рошро и в районе Венсенского леса) стали музеем и открыты для публики.

ВОДА

Париж — «дитя Сены». Название этой реки считается производным от кельтских слов «син-ана» (медленная река) или «сог-ана» (спокойная река).

Сена берет начало в Бургундии, в 40 километрах к северо-востоку от Дижона. Когда на ее невысоких болотистых берегах впервые появились люди, река была гораздо более широкой, но мелкой, во многих местах ее легко было перейти вброд. В настоящее время парижский участок Сены имеет длину 12 километров 800 метров, его пересекают целых сорок мостов. Ширина реки колеблется от 65 (у моста Сольферино) до 200 м (у моста Гренель), глубина — от 3,4 (у Национального моста) до 5,7 м (у моста Мирабо). Объем воды, который Сена пропускает в одну секунду, обычно составляет 275 кубометров, а во время паводков — до 2000. Уровень воды в Сене (а также в ее притоках Йонне и Марне) резко поднимается при зимних ливнях, которые приносит ветер с океана. За время научных наблюдений, которые ведутся с 1649 года, подъем уровня воды больше чем на 6 метров был отмечен 37 раз, серьезные наводнения случались в Париже в среднем один раз в десять лет. Особо тяжелые последствия имели наводнения в 1658, 1740, 1808 и в 1910 годах, хотя в последнем случае Сену уже защищала сложная инженерная система плотин и водохранилищ.

Около 10 тысяч лет назад Сена протекала севернее современного русла; она омывала подножья парижских холмов Бельвиль, Монмартр и Шайо и уходила вправо в том месте, где сейчас расположена Арсенальная пристань. Путь вод древней реки можно проследить, пройдя по Большим бульварам от площади Республики, затем по улицам Шато-д'О (Большого фонтана), Петитз-Экюри (Малых Конюшен), Прованса, Пепиньер, Ла Боэси, Марбёф и проспекту Георга V; в районе площади Альма старица соединялась с современным руслом Сены. Постепенно большой изгиб реки заполнился песком и илом, которые приносили ручьи с холмов Монмартр и Бельвиль, и вода пробила для себя более короткий и прямой путь. Однако во время зимних дождей и весенних разливов избыток воды вновь находил старое русло (ставшее старицей), затапливая и заболочивая низины Правого берега.

Когда-то эти районы города весной можно было пересечь только на лодках или по мосткам. Отдельные участки старого русла, защищенные от капризов Сены дамбами и дренажными системами, до XVIII века использовались как пойменные огороды, которые по-прежнему называли «болотами» (маре).

Надежной «твердью» посреди заболоченных низин Правого берега были только галечные «острова» Сен-Мартен и Сен-Жерве. Узкая полоса болотистой почвы шла и вдоль Левого берега. И только небольшой участок Правого берега, около семисот метров от нынешней площади Шатле до церкви Сен-Жермен-л'Осеруа, сложенный известняками, был сравнительно высоким и круто обрывался к берегу. Именно он послужил опорой первым парижским мостам, а к пристани внизу когда-то вела большая каменная лестница, что нашло отражение в исторической топонимике Парижа — в названии здешнего порта.

Археологические раскопки в Сите показали, что к началу первого тысячелетия в русле Сены существовало множество песчаных островков, разделенных узкими протоками, которые были засыпаны в I веке н. э. Сегодня в парижской части Сены осталось только два острова — Сите и остров Сен-Луи (Людовика Святого), который был искусственно создан в 1647 году (путем соединения Коровьего острова с островом Нотр-Дам). Во второй половине XVI века к западной оконечности Сите были присоединены Патриарший и Еврейский острова, на месте которых возвышается сейчас памятник Генриху IV. До XIX века на Сене оставались еще два острова — Лувьер (назван так по имени парижского прево начала XV века) и остров

Макерель¹, или Лебяжий²; в 1848 году они были соединены с обоими берегами, соответственно, с правым и левым.

Постепенно за счет дамб и водохранилищ река становилась все более прирученной и спокойной, ее берега были одеты в камень. Еще два века назад на берегах Сены было множество мельниц, скотобоен, красилен и дубильных мастерских, прачки стирали белье, сновали лодки, парижане ловили рыбу. В настоящее время хозяйственное использование реки почти прекратилось (даже в качестве транспортной артерии). Современные катера, в основном, катают туристов, и только иногда, во время крупных забастовок транспортников, муниципальные власти пускают речной трамвайчик для перевозки пассажиров.

В индустриальную эпоху к органическим источникам загрязнения реки добавились еще и заводские стоки. Исследования состава воды, предпринятые в 1978 году, выявили 38 токсичных компонентов. Тогдашний мэр Парижа Жак Ширак настоял на том, чтобы была принята программа очистки парижских вод, поставив задачу: к началу третьего тысячелетия сделать Сену пригодной для купания. Сегодня ситуация несколько улучшилась, однако смельчаков, готовых войти в речную воду в черте города, все еще немного, хотя каждый год, начиная с жаркого лета 2003 года, набережные Сены засыпают песком, обустроявая здесь пляжи.

Ученые подсчитали, что небесная влага, падающая на Париж в виде дождя, снега и росы, условно делится примерно на три части. Треть воды выпаривается, вновь поднимаясь на небо в виде знаменитых парижских туманов; треть, стекая с крыш и мостовых по подземным коллекторам и ливневым стокам, попадает в реку; треть просачивается в почву и образует те двадцать водных горизонтов, которые издревле питали парижские колодцы и родники.

Сейчас, кроме Сены, Париж не пересекают другие реки, если не считать каналов на Правом берегу. Но так было не всегда. До 1868 года река Бьевра, давняя спутница Сены, проникала на территорию города через ворота Пёплие («Тополиную калитку») и впа-

¹ Происхождение названия Maquerelle неизвестно. Возможно, здесь устраивались дуэли («злые ссоры» — *maux querelles*), или же своим именем остров обязан фамилии какого-то местного землевладельца.

² Не путать с современным Лебяжьим островом ниже по течению, который был насыпан в XIX веке на месте дамбы, защищавшей порт Гренель.

дала в Сену близ Аустерлицкого вокзала, причем ее русло часто менялось. В XII веке каноники-августинцы аббатства Сен-Виктор отвели воды реки так, чтобы она вращала колеса мельниц, принадлежавших обители, и только в 1672 году Бьевру вернули в прежнее русло. В XV веке парижане считали, что воды Бьевры обладают особыми ценными свойствами из-за того, что они омывали корни многочисленных ольховых деревьев на ее берегах. А насмешник Франсуа Рабле объяснял странный грязноватый оттенок ее воды тем, что источником Бьевры стала моча псов, которых Панург напустил на дом надменной красавицы, отвергшей его ухаживания. Современный химический анализ местной воды не подтверждает ее особых свойств, но парижане веками в них верили.

В конце Средневековья на берегах Бьевры расположились мастерские кожевников, производителей бумаги и клея, а, главное, красильщиков, которые, возможно, и сочиняли небылицы о чудесных исключительных особенностях бьеврской воды, гарантирующей высокое качество их товаров. Имя одного семейства красильщиков даже стало нарицательным — Гобелены. Чтобы вместить всех желающих пользоваться водами Бьевры, реку от «Тополиной калитки» до улицы Муфтар разбили на два рукава, которые постепенно загрязнялись сбросами мастерских, а затем и десятков фабрик. Поэтому в 1828 году инженер М. Ф. Э. Бельгран решил забрать Бьевру под землю — от устья до улицы Жоффруа-Сент-Илер. Постепенно в трубы прятали и другие части реки, и к 1910 году она полностью исчезла с поверхности; сейчас она служит главным коллектором сточных вод Левого берега в Париже.

Та часть осадков, которая просачивалась под землю Парижа, насыщала его грунтовые воды — как поверхностные, так и артезианские их слои, находящиеся на глубине 500–700 м. Эти воды питали многочисленные родники и колодцы. На правом берегу Сены колодцы были неглубокими — до 4 метров, на левом за водой приходилось спускаться глубже — на 6–10 метров. Интенсивная застройка правобережного Парижа в Средние века и в начале Нового времени отчасти объясняется именно доступностью здесь питьевой воды. В 1870 году, когда в Париже насчитывалось до 30 тысяч колодцев, воду из них брали, как правило, уже только для хозяйственных нужд — стирки, купания, мытья посуды. Для питья она не годилась, так как была перенасыщена органикой и различными солями. И все же колодезная вода ценилась парижанами за то, что она долго сохраняла свою свежесть и прозрачность.

Однако уже давно всего этого богатства парижских вод оказалось недостаточно для нужд огромного города. Питьевую воду давали отдаленные родники, например, «северные источники» на высотах Бельвиля, Менильмонтана и Пре-Сен-Жерве. В Средние века к ним были подведены каменные желоба, по которым вода стекала в каменные цистерны; от них по трубам, выдолбленным в песчанике, она доставлялась парижанам. В 1150 году был построен акведук, который доставлял воду с холма Пре-Сен-Жерве в приорат и госпиталь Сен-Лазар; в 1184 году этот водный путь был удлинён до Крытого рынка (Ле-Аль). Воды ручья через систему водоводов снабжали Тампль и приорат Сен-Мартен-де-Шан; на современной Каскадной улице, возле дома № 42, и сейчас видна выложенная камнем канава, предназначенная для фильтрации воды, с XII века доставляемой в Тампль. Акведук Шайо доставлял в город воду с холмов в Сен-Клу, а акведук Аркей водой с холмов в пригородах Рёнжис и Вису питал дворец Марии Медичи и фонтаны Люксембургского сада. С XIX века вода поступает в Париж по каналу Урк и еще по семи акведукам.

Вода с холмов Отёй и Пасси считалась целебной и продавалась в бутылках; источник находился на месте современного сквера Батиньоль. А в небольшом сквере Ламартина и сегодня можно отведать из питьевого фонтана полезную, железистую на вкус воду, которую начали качать с глубины 586 метров еще в 1866 году.

В настоящее время во многие парижские плавательные бассейны подается артезианская вода (с температурой 30 градусов) с глубины от 550 до 750 метров. Жители квартала Бют-о-Кай и сегодня предпочитают набирать чистейшую артезианскую воду из фонтана (колонки) на площади Поля Верлена в XIII округе. А горячую воду (не ниже 60 градусов) получают из водоносного горизонта, залегающего на глубине в полтора километра; ее используют для обогрева помещений, в частности — громадного здания Музея науки и индустрии в Ла-Виллет.

В Средние века климат парижской земли был более суровым, чем сейчас: зимой Сена иногда замерзала настолько, что в XV веке по льду в Париж проникали волки, а работа парижских судов приостанавливалась из-за того, что от мороза у клерков замерзали чернила. Зато летом 1590 года во время осады мятежной столицы войсками Генриха IV река обмелела настолько, что королевский отряд без труда проник в город по руслу Сены (только случайность не дала ему возможность развить этот успех). Сейчас лето в Париже

снова становится все более знойным, и переносить августовскую жару в этом современном мегаполисе просто невозможно: парижане стремятся покинуть город, оставляя его толпам неугомонных туристов.

И все же именно уникальный микроклимат определяет очарование Парижа. Цвета неба и оттенки света, воспетые поэтами и запечатленные художниками, обусловлены воздействием далекого океана. Необыкновенный аромат воздуха Парижа, незабываемый для каждого, хоть раз вдохнувшего его, это морской воздух, идущий из Нормандии, и здесь он пьянит как шампанское.

Итак, город, возникший на скрещении большой реки и многих наземных дорог, обладал всеми необходимыми и исключительно благоприятными условиями для развития. Древняя Лютеция и будущий Париж обязаны своим рождением сплаву нескольких бесспорных преимуществ: островное положение посреди мощной реки, важная стратегическая позиция в условиях войны, защищенность окружающей территорией и перспективы роста по обоим берегам, перекресток торговых путей и всех видов обмена

После нескольких волн переселений к III веку до н. э. здесь обосновалось галльское (кельтское) племя паризиев. Париж вступает в историческую эпоху, отраженную в письменных источниках. В рассказе о Париже геологи, географы и археологи постепенно уступают пальму первенства историкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru